

- Bertalanffy L.* General systems theory: foundations, development, applications. N. Y., 1963.
- Bertalanffy L.* Robots, men, and minds. N. Y., 1967.
- Bertalanffy L.* The theory of open systems in physics and biology // Science. 1950. Vol. 111.
- Chubin D. E., Studer K. E.* Knowledge and structure of scientific growth: measurement of a cancer problem domain // Scientometrics. 1979. Vol. 1. № 2.
- Gillespie N. C.* The duke of Argyll, evolutionary anthropology, and the art of scientific controversy // Isis Wash. 1977. Vol. 68. № 271.
- Green J. C.* The Kuhnian paradigm and the Darwinian revolution in natural history // Perspectives in the History of Science and Technology. Norman, Oklahoma, 1971.
- Laslo F.* Introduction to systems philosophy // Towards a new paradigm of contemporary thought. N. Y., 1972a.
- Laslo F.* The system view of the world. N. Y., 1972b.
- Law J.* The development of specialties in science: the case of X-ray protein crystallography // Science Studies. 1973. Vol. 3. № 3.
- Lilienfeld R.* The rise of systems theory: An ideological analysis's. N. Y., 1978.
- Merton R. K.* Sociology of science. Chicago, 1973.
- Mullins N. Ch.* Model for the development of sociological theories // Theories and theory groups in contemporary American sociology. N. Y., 1973.
- Pepper St. C.* Concept and quality — a world Hypothesis. La Salle, 111, 1967.
- Whitley R.* Cognitive and social institutionalization of scientific specialties and research areas // Social Progress of Scientific Development. L., 1974.
- Zipf C. K.* Human behavior and the principle of least effort. Cambr. mass., 1949.

1978 год. Публикация Г. Д. Петровой

СОБОЛЕВ ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: vlad_history@mail.ru

Из истории социологических исследований среди учащейся молодежи России в начале XX века

В Российской империи после революции 1905 года был отменен правительственный запрет на развитие социологии. В связи с этим активизировались попытки проведения социологических исследований. Статья подготовлена на основе изучения материалов, полученных в социологических исследованиях 1911–1917 годов. Результаты анкетирования, проводившегося тогда в среде учащейся молодежи, представляют значительный научный интерес и достаточно актуальны. Они дают представление о мировоззрении учащейся молодежи; о «шкале» духовных, этических и эстетических ценностей, которые господствовали в умах и сердцах молодых. Эти материалы свидетельствуют о том, какие разительные перемены произошли в России за последние сто лет и как сильно изменились граждане страны.

Ключевые слова: история отечественной социологии, исследования начала XX века, результаты социологических опросов, учащаяся молодежь.

В Российской империи долгие годы правительством накладывался запрет на развитие социологии. Проведение социологических исследований в стране также практически не представлялось возможным.

Добиться изменения данного положения удалось только в результате революции 1905 года. После революции начался сложный процесс институционализации социологической науки, параллельно с этим стали предприниматься попытки первых социологических исследований. В частности, начали проводиться социологические исследования в среде учащейся молодежи. Их результаты тогда были частично опубликованы в нескольких научно-популярных журналах педагогического профиля.

Основой настоящей статьи стали материалы этих исследований, опубликованные в журналах «Вестник воспитания» и «Психология и дети» за 1911–1917 годы. Нам удалось выявить интересные, на наш взгляд, сведения о результатах социологических исследований, проведенных в ряде учебных заведений страны:

- в 1908–1909 годах в средних и начальных учебных заведениях Тифлиса;
- в 1912 году в средних учебных заведениях Одессы;
- в 1908–1912 годах в ряде высших учебных заведений;
- в 1914 году в одной из гимназий Москвы;
- в 1916 году в одной из начальных школ Москвы.

Попытаемся проанализировать основные результаты упомянутых выше пяти исследований:

В статье К. Сивкова «Идеалы городских школьников», опубликованной в двух журналах «Вестник воспитания» (Вестник воспитания, 1909: 84–97; Вестник воспитания, 1911: 92–108), были представлены результаты анкетирования, проведенного в 1908–1909 годах в средних и начальных учебных заведениях Тифлиса.

В обоих случаях было роздано по 2000 анкет, и каждый раз было получено более одной тысячи ответов. Причем оба раза более 400 ответов дали мальчики и более 600 ответов было получено от девочек. Главными в анкете были два вопроса: «На кого ты желаешь быть более всего похожим?» и «Почему?». По всем «идеалам» учащимся было предложено 26 позиций — рубрик. В том числе:

- 7 рубрик было посвящено «местным идеалам»;
- 10 рубрик — «историко-литературным» идеалам;
- 8 рубрик — «общественным деятелям».

В результате обобщения и анализа всего фактического материала проведенного анкетирования нами была составлена следующая таблица.

Таблица 1

Рубрики анкеты	Начальные учебные заведения		Средние учебные заведения	
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
Местные идеалы	52,4 %	64 %	18,3 %	31, %
Историко-литературные идеалы	34,6 %	18 %	68,1 %	37,7 %
Общественные идеалы	По этой рубрике было получено около 10 % ответов			

Эти данные нуждаются в некотором комментировании. «Местными идеалами» учащиеся считали, прежде всего, учителей своих учебных заведений. В рубрику «Историко-литературные идеалы» вошли, в основном, известные писатели.

Например, Н. В. Гоголь был назван 21 раз, А. Г. Чавчавадзе — 17 раз, А. Церетели — 11 раз, А. С. Пушкин — 9 и т. д. (Вестник воспитания, 1911: 96–97). В рубрику «Общественные идеалы» попали учителя «чужих» учебных заведений, лечащие детей врачи, местные инженеры и техники и т. д.

На наш взгляд, вызывает интерес то обстоятельство, что богатые люди (и богатство) в то время не являлись идеалами для учащейся молодежи, принявшей участие в анкетировании. Автор статьи по этому поводу написал следующее: «Рубрика богачей совершенно пуста» (Вестник воспитания, 1911: 95).

Как уже упоминалось выше, второй главный вопрос анкеты («Почему?») должен был прояснить мотивировку сделанного учащимися выбора. В результате обобщения и анализа материала всех ответов на данный вопрос, нами составлена следующая таблица.

Таблица 2

Главные мотивы	Начальные учебные заведения		Средние учебные заведения	
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
Желание помогать другим	15 %	14 %	5,4 %	14,5 %
Проявление лучших моральных качеств	12,7 %	26 %	5 %	26,6 %
Стремление к получению материальных благ	6 %	4 %	менее 1 %	0 %

Здесь также следует дать некоторые пояснения. Автор статьи посчитал необходимым прокомментировать отсутствие у учащихся стремления к достижению богатства. Он написал об этом следующее: «Не играет почти никакой роли в мотивах учащихся средних школ» (Вестник воспитания, 1911: 101). А тот факт, что в ответах учащихся начальных школ этой мотивировке было отдано большее предпочтение (4–6 %), автор объясняет тем, что «учащиеся средних школ принадлежали к более состоятельным слоям городского населения, чем учащиеся начальных школ».

С точки зрения современных, господствующих с нашим обществом взглядов и принципов, подобное объяснение вызывает недоумение. Оно дает возможность предполагать, что в то время в определенных кругах российского общества существовал забытый ныне принцип «разумной достаточности» и что известная философская категория «мера» тогда имела и конкретную, и реальную социальную значимость. Это, наверное, и обуславливает данный выбор — не считать достижение богатства целью жизни.

В заключение автор статьи К. Сивков сделал несколько значимых выводов. Приведем только один из них: «Учащиеся начальной школы, представляющие “низы” городского населения, по своему нравственному складу стоят довольно высоко, не уступая в этом отношении учащимся средней школы, представителям “средних” слоев городского населения» (Вестник воспитания, 1911: 108).

Еще одно подобное анкетирование было проведено энтузиастами-педагогами в средних учебных заведениях Одессы весной 1912 года. Результаты этого исследования были отражены в статье Маркова «О школьной молодежи (по данным одной анкеты)», опубликованной в 1913 году в двух номерах журнала «Вестник воспитания». (Вестник воспитания, 1913, № 5: 178–206; Вестник воспитания, 1913, № 6: 162–199).

В начале статьи автор отметил, что анкетирование проходило в условиях «враждебного отношения к нему школьного начальства и в атмосфере полного недоверия» (Вестник воспитания, 1913, № 5: 179). Видимо, сам процесс социологического исследования был начальством воспринят как проявление демократии, а любые проявления демократии в России всегда встречали самое активное противодействие чиновничества.

Педагогам свою работу по анкетированию удалось провести в 18 мужских и 14 женских средних учебных заведениях Одессы. При этом было распространено 1475 анкет, по которым удалось получить 428 ответов (Вестник воспитания, 1913, № 5: 181). По этой анкете следовало дать ответ на 31 вопрос. Попытаемся передать суть ответов учащихся на часть этих вопросов (в соответствии с порядком расположения их в анкете).

1. Своим любимым занятием вне школы учащиеся называли чтение. На это указали 306 человек из 352, давших ответ на этот вопрос (Вестник воспитания, 1913, № 6: 162).

Интерес представляет, на наш взгляд, одно обстоятельство. После революции 1905 года учащиеся наряду с художественной литературой стали регулярно читать и периодические издания — 232 человека регулярно читали газеты (в первую очередь материалы общественно-политических отделов). Кроме того, 235 человек регулярно читали еще и журналы. Были упомянуты «Нива» (85 ответов), «Русское богатство» (35 ответов), «Современный мир» (21 ответ) и др. (Вестник воспитания, 1913, № 6: 164–165). Не лишен интереса и тот факт, что даже в таком революционизированном городе, каким была в то время Одесса, учащиеся совсем немного внимания уделяли партийной печати. В ответах было названо всего 7 и только эсеровских изданий: «Земля и воля» (3 ответа), «Знамя труда» (3 ответа), «Сборник социалистов-революционеров» (1 ответ) (Вестник воспитания, 1913, № 6: 166). (Само анкетирование было анонимным, следовательно, уровень достоверности был достаточно высок.)

Сегодняшнему историку науки отрадно узнать, что 169 респондентов в своих ответах указали на то, что наряду с другими изданиями они регулярно читают и «научные книги».

2. Самыми любимыми писателями-классиками для одесских школьников в то время были: Л. Н. Толстой (147 ответов), И. С. Тургенев (120 ответов), Ф. М. Достоевский (66 ответов), А. С. Пушкин (49 ответов), Н. В. Гоголь (43 ответа) и др. Одновременно с этим молодежь читала и произведения «современных» писателей. Среди них были названы — А. П. Чехов (53 ответа), А. И. Куприн (52 ответа), М. Горький (29 ответов) и др.

3. Один из вопросов анкеты — «Есть ли у Вас истинные друзья?». На него было получено всего 340 ответов. В 240 из них говорилось о «полном одиночестве в жизни» (Вестник воспитания, 1913, № 6: 174–175).

4. 255 ответов было получено на вопрос «Ваше отношение к современной жизни». В числе ответивших 11 человек были ею довольны, 20 сказали о безразличии к этому вопросу, 29 не смогли четко определить этого своего отношения. А вот 195 (76,6 %) дали отрицательную оценку своему «бытию» (Вестник воспитания, 1913, № 6: 183).

Известно, что учащуюся молодежь охранная структура царского правительства считали одним из самых «неблагонадежных» слоев российского общества, и именно из этой среды выходили многие будущие профессиональные революционеры. В

русской истории молодых людей «вожди и «властители дум» часто стремились сделать орудием политических устремлений и амбиций.

5. На вопрос «Верите ли Вы в бога и религиозны ли Вы?» было дано всего 250 ответов. При этом были получены следующие результаты (Вестник воспитания, 1913, № 6: 189):

- 38 человек «были верны своей религии»;
- 38 — не смогли определиться с ответом;
- 19 — «плохо знали свою религию»;
- 155 (62 %) — сказали, что к религии «не имеют никакого отношения».

6. Ответ на вопрос о характере своей будущей профессии дали 297 респондентов:

- 59 человек хотели пойти в медицину;
- 36 мечтали стать инженерами и техниками;
- 33 хотели стать юристами;
- 29 избрали для себя педагогическое поприще;
- 18 думали идти в коммерцию и торговлю;
- 9 собирались заняться наукой;
- 6 хотели идти на военную службу.

Примечательным является тот факт, что 14 человек написали о своем желании «служить человечеству» и посвятить себя общественной деятельности, а также «участвовать в борьбе с современным строем» (Вестник воспитания, 1913, № 6: 196).

7. Последним в анкете стоял вопрос «об идеалах» молодежи. На него ответили 290 человек, в их числе:

- 20 (6,8 %) человек связали свои идеалы и счастье с материальным благополучием;
- 19 еще не определились в этом вопросе;
- 14 отметили, что не имеют никаких идеалов;
- 13 видели идеалы в семейном счастье и любви.

А вот 230 респондентов (79,3 %) считали своими «общественные идеалы альтруистического характера» (Вестник воспитания, 1913, № 6: 197–198). Назовем самые характерные ответы:

- «помогать бедному, страждущему люду»;
- «делать добро другим людям»;
- «творить, строить лучшую жизнь людям без различия национальностей»;
- «служить ближнему вплоть до пожертвования жизнью» и др.

Свою статью автор Марков (видимо, это был его псевдоним. — В. С.) завершил следующим эмоциональным призывом: «Хочется думать, что “горячие строки” полученных нами результатов пробудят отзвук и живое сочувствие, твердое стремление к созидательной деятельности в среде молодежи» (Вестник воспитания, 1913, № 6: 199).

В эти же годы активизировались социологические исследования в среде студенческой молодежи. В журнале «Вестник воспитания» за октябрь 1914 года была опубликована интересная работа Г. Гордона «К вопросу о материальном положении нашего студенчества» (Вестник воспитания, 1914, № 7: 171–183). В основе ее — материалы социологических исследований, проведенных в ряде высших учебных заведений страны в 1908–1912 годах.

В начале статьи автор указал на то, что «материальное положение нашего студенчества — один из очень старых, но в то же время и очень злободневных вопросов нашей жизни. О нем напоминают нам газетные сообщения о сотнях и тысячах

увольняемых и уволенных за невзнос платы студентах и курсистках» (Вестник воспитания, 1914, № 7: 171).

В результате изучения материалов анкетирования студенчества о размерах ежемесячного бюджета Г. Гордон большую часть респондентов отнес к категории «нуждающихся». Причем автор вполне справедливо указал на то, что у студенчества в расходной части ежемесячного бюджета самые ощутимые затраты связаны с внесением платы за обучение и за найм жилья. В статье приводились конкретные сведения по этому вопросу. Так, анкетирование, проведенное в 1908 году в Юрьевском университете, дало следующие результаты (Вестник воспитания, 1914, № 7: 176):

- 50,4 % респондентов тратили на жизнь меньше 20 руб. в месяц;
- 32,9 % тратили в месяц от 20 до 30 руб.

Таким образом, к категории «нуждающихся» относилось 83,3 % студентов Юрьевского университета.

Анкетирование, проведенное в 1909 году в Санкт-Петербургском технологическом институте, показало, что 69,1 % студентов-«технологов» являлись «нуждающимися» (Вестник воспитания, 1914: 177).

В 1910 году было проведено социологическое исследование в Санкт-Петербургских Высших женских курсах, которыми руководил профессор А. Кауфман. Выяснилось, что 75 % курсисток были «нуждающимися», причем 13 % даже не могли себе позволить обедать ежедневно (Вестник воспитания, 1914: 177). Одна из курсисток написала в анкете по этому поводу впечатляющие строки: «В месяц проживаю 20 рублей и притом так: трачу по 7 копеек в обед и еду “зайцем” (при такой сумме иначе нельзя) на какой-нибудь концерт; за полтинник, обозлившись и настрадавшись, проникаешь к концу 1-го отделения в заветный зал...» (Вестник воспитания, 1914: 183). Действительно, тяга к знаниям, к культуре у части молодежи была огромна. Многие молодые люди, приехавшие на учебу в столицу из российской глубинки, считали вполне нормальным, сэкономив на питании, на последний полтинник попасть на какой-нибудь концерт. При этом покупался самый дешевый билет, дающий право входа в концертный зал только после первого отделения.

В 1912 году анкетирование по вопросам материального положения студенчества было проведено в большинстве высших учебных заведений Санкт-Петербурга. Самые общие результаты этого исследования можно свести в следующую таблицу (Вестник воспитания, 1914: 177).

Таблица 3

Ежемесячный бюджет	Студенчество Санкт-Петербурга	
	Мужчины	Женщины
От 15 до 30 руб	35%	50,4%
От 30 до 50 руб.	37%	32%
От 50 до 100 руб.	17%	6,8%

С учетом того обстоятельства, что Санкт-Петербург являлся самым дорогим городом в Российской империи, реальная сумма ежемесячного бюджета студента должна была бы в то время составлять примерно 50 рублей (сюда входила и плата за обучение и найм жилья) (Вестник воспитания, 1914: 178).

Обобщенные нами данные позволяют сделать вывод о том, что в те годы в столичном студенчестве к категории «нуждающиеся» следовало отнести 72 % студентов-мужчин и 82 % студенток-женщин. Следует отметить, что данные расчеты в целом совпали с результатами анкетирования по вопросу материального положения российской «трудовой интеллигенции», проведенного в 1910 году редакцией журнала «Вестник знаний». Согласно этому исследованию, средний годовой бюджет студента составлял 300 руб. (т. е. 25 руб. в месяц) (Вестник воспитания, 1914: 179).

Любопытным является и тот факт, что, по данным журнала «Вестник знаний», в эти же годы средний годовой бюджет народных учителей (всех тех, кто «учительствовал» в государственных начальных учебных заведениях России) составлял всего 360 руб. (т. е. 30 руб. в месяц).

В российских газетах тех лет довольно часто можно было встретить сообщения о бедственном положении части студенчества. Так, кадетская «Речь» поместила в конце 1908 года следующее объявление: «Студент Н. И. Ш., обремененный семьей, потерявший всякую надежду найти какой-либо заработок, обращается к добрым людям с просьбой помочь ему и его семье. Грозит увольнение из университета и голод (Адрес: Петербургская сторона, Гулярная, 6, кв. 4) (Речь, 1908, 17 декабря).

Корреспондент радикальной газеты «Русь» посетил в мае 1908 года квартиру студента А. Б., который покончил жизнь самоубийством. В «Хронике происшествий» газеты была названа главная причина трагедии — беспросветная нищета молодого человека. В доказательство приводились несколько записей из оставшегося дневника покойного студента (Русь, 1908, 7 мая). Приведем одну из этих записей ежедневного расхода студента: «суп — 10 копеек, хлеб — 3 копейки, восьмушка чаю — 20 копеек, почтовая марка — 7 копеек, керосин — 4 копейки». Корреспондент «Руси» проанализировал эти записи и установил, что в период с 1 января 1908 года по 25 апреля (т. е. по день смерти) студентом было израсходовано 6 рублей 38 копеек, то есть по 5,3 копейки в день.

Хроникер завершал свою скорбную статью весьма эмоционально: «И это происходит в богатой столице, в которой тысячи людей тратят безумные средства на роскошь и прихоти».

У нас ассоциативно возникло желание совершить небольшой экскурс по этой же столице на полтора века назад от описываемых событий. В соответствии с установленным императрицей Елизаветой «Регламентом Императорской академии наук и художеств» 1747 года, полагалось тратить на содержание одного ученика академической гимназии 30 руб. в год или 8,2 копейки в день (Уставы Российской Академии наук. 1724—2009, 2009: 76). Причем в эту сумму входили стоимость питания, одежды, учебников, бумаги, свечей, дров и т. д. Что ж, гимназисты действительно имели тогда реальный шанс не умереть с голода.

В связи с этим вызывает «законную гордость» то постоянство и твердость, которые Российская верховная власть веками проявляла и проявляет при определении «шкалы ценностей», по которой следует выделять бюджетные ассигнования.

О бедности студенчества писали в то время и провинциальные газеты. Так, в ноябре 1908 года газета «Донская жизнь» поместила обращение с просьбой о помощи студента Харьковского университета А. И. В нем, в частности, говорилось следующее: «Не смог достать уроков, квартиры у меня нет, ночи провожу на вокзале...» (Донская жизнь, 1908, 14 ноября).

В конце своей серьезной статьи Г. Гордон выразил надежду на то, что в России когда-нибудь станут возможными «общедоступность и дешевизна высшего образования» (Вестник воспитания, 1914, № 7: 183)

В журнале «Вестник воспитания» за ноябрь 1914 года была помещена статья «Идеалы гимназисток» (Вестник воспитания, 1914, № 8: 157–182). В основу статьи был положен материал, полученный в результате анкетирования, проведенного в старших классах одной из женских гимназий Москвы. Анкетирование проводилось педагогом — автором этой статьи, скрывшим свое имя под псевдонимом «Ф». В начале статьи автор посчитал необходимым сообщить читателям о том, что все это действие происходило в гимназии, расположенной на одной из окраин Москвы, и поэтому заведение это было «демократичным» и по составу учащихся, и по составу педагогического персонала. В процессе исследования педагогу удалось получить 145 ответов на распространенную им анкету.

Попытаемся передать основное содержание полученного фактического материала в соответствии с нумерацией вопросов самой анкеты.

1. О получении высшего образования мечтали 70 респондентов (48 % от числа давших ответ (Вестник воспитания, 1914, № 8: 159).

2. На вопрос о характере будущей профессии было дано 132 ответа (Вестник воспитания, 1914, № 8: 162).

В их числе следующие:

- 92 ученицы мечтали о педагогической деятельности;
- 36 хотели стать медицинским работниками.

Приведем ответ одной из гимназисток 6-го класса: «...профессия врача, но не из-за наживы, а хочется поехать в глушь, где нет ни школ, ни лечебниц, и помогать крестьянам. Умереть на этом поприще — вот мой идеал» (Вестник воспитания, 1914, № 8: 164–165). Некоторые ответы на данный вопрос могут поразить сегодняшнего исследователя. Вот что написала по этому поводу гимназистка 8-го класса: «Я хочу быть только авиаторшей, я не могу равнодушно смотреть на голубое небо, меня так и тянет улететь высоко, навстречу восходящему солнцу. Быть там одной, свободной, победить воздух» (Вестник воспитания, 1914, № 8: 167). Напомним, что «на дворе» стоял тогда 1914 год, и первые фанерные бипланы иностранного производства еще только начали появляться в «голубом небе» России.

Следует отметить одно важное, на наш взгляд, обстоятельство. Во многих ответах гимназисток представление о будущей деятельности было связано с альтруистической работой на благо других людей. Вот несколько высказываний такого рода (Вестник воспитания, 1914, № 8: 170–171):

- «я желаю приносить кому-нибудь пользу»;
- «служить на пользу своему народу»;
- «жить на пользу других»;
- «быть полезной для своей родины»;
- «помогать бедным и ухаживать за больными».

3. Любопытно, что 60 респондентов (41,3 %) в своих ответах выразили твердое желание «совсем куда-нибудь уехать». Были и варианты этой мечты:

- «далеко-далеко»;
- «очень далеко от Москвы»;
- «далеко от центра России» и др.

Можно предположить, что в данном случае проявлялись вековые и подчас обособленные чаяния российского народа «уехать туда, где нас нет, но где хорошо». Отсюда же следовали настойчивые и весьма плодотворные усилия государственной власти закрепить «трудящихся» на одном месте. А широко известное восклицание А. А. Чацкого «Вон из Москвы!» было явлением другого порядка.

4. Респонденты почему-то неохотно ответили на вопрос анкеты о характере своего отношения к жизни. («Оптимистическое или пессимистическое отношение?»)

Было получено всего 24 ответа, из них в 18 звучали пессимистические ноты. Приведем некоторые ответы, по своему звучанию приближающиеся к уровню философского осмысления вечных вопросов человечества (Вестник воспитания, 1914, № 8: 175–176):

- «Как часто в гимназии говорят одно, а в жизни случается другое»;
- «Никогда богатый не будет братом бедному»;
- «Жизнь ломает и гнет всех, и разбивает все мечты и предположения» и др.

В свою очередь немногие оптимистические ответы звучали действительно сильно. Так, одна из гимназисток 8-го класса написала следующее: «Мне предстоит много работы, которой я жажду, жду с нетерпением; наперед знаю, что будет трудно, но все же пойду, буду бороться со своими трудностями» (Вестник воспитания, 1914, № 8: 178). Вполне могло получиться так, что автор этих слов — девушка, и грамотная, и идейно вдохновленная, через несколько лет могла «пойти в революцию», и как это бывало, возглавить или комитет партии, или чрезвычайную комиссию, или политотдел воинской части. А может быть, она стала бы членом боевой, скажем, эсеровской организации... И тогда, в условиях «острой классовой борьбы», удел всех встретившихся трудностей, а также людей к ним причастных был бы предопределен и хорошо известен.

Автором статьи были также особо отмечены несколько гимназических идеалов, которые он назвал «оригинальными». Среди них упомянут ответ гимназистки 7-го класса о том, что «ее интересует коммерческое дело» (Вестник воспитания, 1914, № 8: 182).

И наконец, нам удалось выявить сведения еще об одном небольшом социологическом исследовании, проведенном в 1916 году в одной из начальных школ Москвы. В журнале «Психология и дети» по результатам этого исследования была опубликована статья Н. А. Рыбникова «Школа и выбор профессии» (Психология и дети, 1917: 27–30). В 1916 году эту школу окончили 110 детей. По результатам опроса их о выборе будущей профессии, можно составить следующую таблицу (Психология и дети, 1917: 28).

Таблица 4

Домашнее хозяйство	22
Торговое дело	12
Работа на фабрике	11
Служба конторщиком	10
Занятия ремеслом	6
Технические занятия	3
Продолжение образования	46

Здесь засуживает внимания тот факт, что 46 % респондентов мечтали о том, чтобы продолжить образование.

В заключение нашей статьи позволим себе подвести некоторые итоги.

1. Результаты социологических исследований со всей убедительностью показали то самое незначительное место, которое занимали в планах на будущее у учащейся молодежи материальное благополучие и богатство.

2. Самая значительная часть респондентов мечтала посвятить свою жизнь деятельности, которая не приносила особых материальных благ и не могла стать источником обогащения. Это были, прежде всего, педагогика и медицина.

3. Сегодняшнего исследователя впечатляет также стремление значительной части учащейся молодежи к альтруистической деятельности, «служению людям».

Мы совершенно не ставили перед собой задачу даже малейшего сравнения идеалов российской учащейся молодежи столетней давности с идеалами, господствующими ныне в этой же социальной среде. Огромные и принципиальные различия видны, как говорится, «невооруженным глазом». Здесь можно отметить, на наш взгляд, некую парадоксальность исторического процесса. Известна истина о том, что человечество, в целом, почти не изменилось с ветхозаветных времен. В то же время, прошло всего сто лет, но какие разительные перемены мы наблюдаем в истории нашей «одной отдельно взятой страны» и как сильно изменились люди. Вряд ли кто будет оспаривать тот факт, что вот ту учащуюся молодежь начала XX столетия Россия также потеряла. Мы имеем в виду полное нарушение преемственности, связи поколений, передачи ценного культурного наследия и т. п. Теоретически можно набрать темпы роста экономики, повысить производительность труда, улучшить состояние культуры и образованности граждан, исправить демографические показатели и т. д. Но в нашем случае речь идет о высоких этических, нравственных и моральных качествах, которые были так легко и быстро «брошены на ветер», а то и просто уничтожены. Вот эти самые качества, удастся ли их когда-нибудь восстановить?! И сколько времени на это потребуется?

Литература

- Вестник воспитания. 1909. Февраль. № 2.
Вестник воспитания. 1911. Апрель. № 4.
Вестник воспитания. 1913. Август. № 5.
Вестник воспитания. 1913. Сентябрь. № 6.
Вестник воспитания. 1914. Октябрь. № 7.
Вестник воспитания. 1914. Ноябрь. № 8.
Донская жизнь. 1908. 14 нояб.
Психология и дети. 1917. Март–Июнь. № 3–4.
Речь. 1908. 17 дек.
Русь. 1908. 7 мая.
Уставы Российской Академии наук. 1724–2009. М., 2009.

From the History of Sociological Studies Carried out Among the Studying Youth of Russia in the Early 20th Century

VLADIMIR S. SOBOLEV

PhD in History, Researcher,
Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov
St Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia;
e-mail: vlad_history@mail.ru

Government prohibition to develop sociology has been reversed in Russian Empire after the revolution of 1905. As a result of this, the attempts to carry out the sociological studies have also become much more intense.

This paper is prepared on the basis of studying materials obtained as a result of sociological studies carried out at a number of educational institutions in 1911–1917.

Results of questionnaire survey, which was carried out that time among the studying youth, are of considerable scientific interest and of sufficient importance in our opinion. They give us an idea of the world view of studying youth; of the scale of cultural wealth, moral and aesthetic values which prevailed that time in the hearts and minds of studying youth.

Those materials are the convincing evidence of striking changes, which took place in Russia during the latest hundred of years, and strong changes in the citizenry of the country.

Keywords: history of national sociology, studies of the early 20th century, results of sociological surveys of studying youth.